

ного канониста и толкователя канонов Феодора Вальсамона, который притом сам был Антиохийским Патриархом (1180–1203): «Если находишь и другие независимые (автокефальные) церкви, – говорит Вальсамон в своем толковании на 2-е правило II Вселенского Собора, – как то болгарскую, кипрскую и иверскую, – не удивляйся этому... Архиепископа Кипрского почтил III Собор... Архиепископа Иверского почтило определение Антиохийского собора...»³⁶).

Таким образом, утверждения о каноничности отмены грузинской церковной автокефалии и присоединении ее к Русской церкви в июне 1811 года, по нашему мнению, беспочвенны³⁷.

*Бажутина Т.Д. (Донской монастырь, г. Москва),
Тихонов И.С. (ГАРФ)*

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГРУЗИНСКОЙ КОЛОНИИ В МОСКВЕ, УПОКОЕННЫХ В НЕКРОПОЛЕ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Особую страницу в истории Донского монастыря составляют российско-грузинские отношения, их церковный и государственный аспект, свидетельством чего являются захоронения грузинских духовных и государственных деятелей некрополя монастыря.

Начало этих отношений историографическая литература относит к XV в., когда к царю Ивану III в 1491 г. прибывают послы кахетинского царя Александра I¹ с просьбой о помощи в борьбе с иноверными соседними государствами. В последующие века отношения получают свое дальнейшее развитие, и свидетельством их укрепления является событие, связанное с прибытием иконы Иверской Божией Матери в Москву, доставленной из Афонского Иверского монастыря, основанного по преданию грузинскими подвижниками².

В августе 1684 года в Москву прибывают грузинские царевичи Александр и Мамука, сыновья имеретинского царя Арчила II (Багратион) с многочисленной свитой, среди которой были сановитые вельможи и священнослужители³.

В 1705 г. по велению царя Петра I настоятелем Донского монастыря стал видный иерарх имеретинской церкви Лаврентий Габашвили, который был близок семье царя Арчила II, пережив с ним трудные годы изгнания. Архимандрит Лаврен-

³⁶ Цит. по: *Горгадзе С.* Автокефальность Грузинской Церкви // Духовный Вестник Грузинского Экзархата, №№ 21–22. С. 42.

³⁷ Даже, если бы Грузинская Церковь входила в юрисдикцию Антиохийского патриархата, как утверждали некоторые церковные деятели, то и это являлось бы вмешательством во внутренние дела древнейшего Антиохийского патриархата и также неканоническим актом, нарушавшим церковные правила и традиции.

¹ *К. Е.* Краткий очерк истории Грузинской Церкви и экзархата за XIX столетие. Тифлис, 1901.

² Там же.

³ *Кутищев А.В.* Некрополь грузинских государственных и политических деятелей в Донском монастыре // Макарьевские чтения. Вып. VII. М., 2000.

тий принимал участие в переговорах по установлению церковно-государственных отношений Имеретинского царства и России по оказанию военной помощи в борьбе с персами, а также непосредственно участвовал в переговорах с Московским патриархом Иоакимом⁴.

Возникает некрополь видных грузинских церковных и государственных деятелей в период служения в Донском монастыре архимандрита Лаврентия, переведенного из Златоустовского монастыря Китай-города, настоятелем которого он являлся.

Первые известные нам захоронения были сделаны в подклете Большого собора в Сретенской церкви, когда там был захоронен царевич Александр – сын царя Арчила I, умерший при возвращении из шведского плена. Царевич Александр был одним из реформаторов русской артиллерии, военачальником, сыгравшим большую роль в ее становлении при царе Петре I. Царь Петр выбрал царевича Александра не только наперсником в своих забавах, но и вместе с ним создавал русскую армию, присвоив ему новое, дотоле не существовавшее в России звание генерал-фельдцейхмейстера. Во время войны со шведами генерал попал в плен и, возвращаясь из него, скончался в г. Нарве; прах его был перевезен в Москву и захоронен 27 марта 1711 г. в крипте Большого собора, куда вскоре из Новодевичьего монастыря был перенесен прах его братьев Давида и Мамуки, а также первой его жены – Феодосии Ивановны Милославской⁵.

Сретенская церковь была открыта на средства царской семьи Арчила II, особенно много средств и сил к этому приложила царевна Дарья Арчиловна, неоднократно жертвовавшая средства на церковное строительство и украшение Большого собора Донского монастыря. Помимо царевича Александра, в царской усыпальнице в Сретенской церкви были захоронены все члены царской семьи: ее глава – царь Арчил II, его жена Кетеван, его дети⁶.

Впоследствии в Сретенской церкви и вокруг нее в некрополе возникли захоронения других царствующих фамилий, в том числе Багратионов, представителей Мухранского царского дома – князей Грузинских, Имеретинских, Дадрианов – владельцев Мингрельского княжества.

Около 150 грузинских царских княжеских фамилий и их потомков, породнившихся с представителями родовитых российских семей, нашли вечный покой в стенах Донского монастыря.

Значительный вклад внесли представители грузинских фамилий в военную историю России.

Первым из них стал, уже упомянутый, царевич Александр Арчилович Багратион.

В 1724 г. в составе свиты царя Вахтанга VI на постоянное жительство в Россию прибыл его брат царевич Афанасий Леванович Багратион (1707–1786), который дослужился до звания генерал-поручика русской армии, занимая должность обер-коменданта г. Москвы (1763–1764). Он был погребен в Донском монастыре в Большом соборе⁷. В некрополе покоится и его жена Анна Васильевна (урожд. Амилохварова), о чем свидетельствует надгробие вблизи Большого собора.

⁴ *Татишвили В.Л.* Грузины в Москве. Исторический очерк (1653–1722). Тбилиси, 1959. С. 191.

⁵ *Хмыров Д.М.* 1-й генерал-фельдцейхмейстер – царевич Александр Арчилович Имеретинский // Артиллерийский журнал. 1866. № 1. С. 31.

⁶ Вел. кн. Николай Михайлович. Московский некрополь. Т. 1. СПб., 1907. С. 68, 335.

⁷ *Тарсаидзе Н.Г.* Исторические этюды. Тбилиси, 1972.

Сын Вахтанга VI – царевич Бакар Вахтангович Багратион (1700–1750), родившийся в Тифлисе, в 1724 году с отцом и его свитой навсегда покидает Грузию и поступает на службу в Российскую армию. В 1727 г. он возглавляет командование артиллерией Московского гарнизона и получает звание генерал-поручика. Помимо военной, царевич Бакар занимался общественной и духовно-просветительской деятельностью. В 1725 году им были изданы в Санкт-Петербурге учебник арифметики «Знание счета» и русско-грузинский словарь. В Москве им была учреждена типография, где печатались богослужебные книги на грузинском языке. Ему принадлежит перевод на грузинский язык Библии, известный как «Библия Бакара». Деятельность царевича Бакара в России способствовала сближению наших двух православных народов. В Сретенской церкви сохранился белокаменный саркофаг, поставленный над захоронением царевича Бакара. Там же была похоронена его жена Анна Георгиевна, дочь князя Эристави-Арагвийского, скончавшаяся в 1780 г.⁸

В Сретенской церкви был похоронен брат царевича Бакара Георгий Вахтангович Багратион (1712–1786), проживавший с 1724 года в России. Он принимал участие в двух войнах России: со Швецией в 1741–1743 годах, а также в Семилетней войне 1756–1763 годов. После смерти брата он стал главой грузинской колонии в Москве. В 1785 г. царевич Георгий пожертвовал 10.000 рублей золотом на устройство Московского Университета⁹.

В усыпальнице Сретенской церкви упокоен царевич Георгий Леванович Дадани (1683–1765), сын владетеля Мингрелии Левана V, с 1700 года проживавшего в Москве, исполнявшего обязанности переводчика при московской грузинской общине в ведении их дел с Петербургским двором. Через него осуществлялась официальная переписка с Грузией¹⁰.

В Сретенской церкви похоронены также и более поздние представители российского княжеского рода Багратион, внесенные в 1803 г. в Общий гербовник дворянских родов России. Это потомки грузинского царевича Александра Иессеевича, переехавшего в Россию в 1758 г.: сын царевича – Кирилл Александрович Багратион, две его жены, три дочери, зять и внучка, которые связаны почетным родством с известным полководцем князем Петром Ивановичем Багратионом, внесшим весомый вклад в военную историю России¹¹.

Так, дедом упоминаемому известному военачальнику приходился отец Кирилла Александровича Багратиона – царевич Александр, будучи еще и племянником картлийского царя Вахтанга VI. Старший же брат Кирилла Александровича, принявший монашеский сан с именем Порфирия, являлся первым учителем будущего знаменитого полководца. Следует отметить, что иеромонах Порфирий был настоятелем Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря, а в Россию он попал, сопровождая опального главу грузинской церкви – Католикоса Антония I, в период возглавления им Владимирской кафедры¹².

Кирилл Александрович, большую часть своей жизни потрудившийся на военной службе в России, тоже был одним из представителей грузинских знатных фамилий¹³. Он принимал участие в русско-турецких войнах 1769–1774 и 1787–1791 годов, в польской кампании 1792 года и Персидском походе 1796–1797 годов.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Дворянские роды Российской империи. 1721–1917. Т. 3. М., 1996. С. 50.

¹² Андроникашвили Б.Б. Надежд питомцы золотых. М., 1992. С. 227.

¹³ Дворянские роды Российской империи. 1721–1917. Т. 3. М., 1996. С. 44–45.

В 1797 г. он был произведен в чин генерал-майора, но вскоре был вынужден выйти в отставку, как и многие генералы и офицеры в царствование Павла I. В 1800 году он вернулся на службу, но уже гражданскую. В чине тайного советника он назначается сенатором в Московские департаменты Правительствующего Сената, где служит с небольшими перерывами до своей кончины в 1828 году¹⁴.

Неоднократно князь Кирилл Александрович проводил ревизии в различных губерниях Российской империи и за свою государственную деятельность был награжден орденом святой Анны I степени.

Родственные и дружеские отношения связывали долгие годы князя Кирилла Александровича с его племянником – выдающимся военачальником – князем Петром Ивановичем Багратионом, которому он в начале его военной карьеры оказывал существенную поддержку. Затем, став известным полководцем и приобретая влияние при царском дворе, князь Петр, в свою очередь, всячески помогал дяде, и по его ходатайству последний в 1800 г. получил высокий чин и должность сенатора. Приезжая в Москву, Петр Иванович Багратион почти всегда останавливался в доме князя Кирилла. После Бородинского сражения раненый полководец провел три дня в его доме на Большой Мещанской улице, сгоревшем вскоре во время пожара 1812 года¹⁵.

Здесь же в Сретенской церкви рядом с князем Кириллом Александровичем, упокоенного среди других представителей грузинского царского рода Багратион, похоронена его первая жена, скончавшаяся ранее в 1788 г., княгиня Варвара Алексеевна, урожденная княжна Хованская, умершая в возрасте 19 лет от родов, оставившая после себя сына Александра¹⁶.

В Сретенской церкви упокоена и вторая жена князя Кирилла Александровича, ставшая спустя 12 лет его избранницей, дочь курского купца Ивана Илларионовича Голикова – одного из основателей российско-американской компании, пережившая своего супруга на четверть века и скончавшаяся в 1853 г.¹⁷

В галерее Сретенской церкви погребены рядом с родителями три их дочери – Дарья Кирилловна, Наталья Кирилловна (по мужу Альбединская) и Анна Кирилловна, в замужестве Годейн, и сын Петр, умерший в младенчестве, названный в честь знаменитого племянника Петра Ивановича Багратиона.

Погребен здесь же муж Анны Кирилловны генерал-майор Николай Петрович Годейн, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов, декабрист и их дочь Александра Николаевна, умершая девицей в 1873 году¹⁸.

Также в некрополе рядом с Большим собором Донского монастыря покоится сестра князя Кирилла Александровича – княжна Прасковья Александровна, умершая в 1797 г., вызванная им из Кизляра для воспитания оставшихся сиротами, после кончины первой супруги, малолетних детей Алексея и Александра, в период пребывания князя Кирилла на военной службе в России¹⁹.

В Большом соборе Донского монастыря и его галерее упокоены грузинские иерархи, прибывшие в свите царя Вахтанга VI: архимандрит Григорий Цинамдзгва-

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 213. Л. 121–123.

¹⁶ Вел. кн. Николай Михайлович. Московский Некрополь. Т. 1. С. 68.

¹⁷ Курские купцы Голиковы. Материалы к истории и генеалогии рода. СПб., 2003. С. 51–53.

¹⁸ Вел. кн. Николай Михайлович. Московский Некрополь. Т. 1. С. 68.

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7280. Л. 63.

ришвили, умерший в Донском монастыре в 1777 г. и Тифлисский епископ Афанасий Амилахвари, скончавшийся в 1774 г.²⁰

В Малом соборе Донского монастыря покоится прах одного из его настоятелей архимандрита Афанасия, происходившего из «рода грузинских дворян Петреевых». Духовное образование он получил в Астраханской духовной семинарии, потом был полковым священником, состоял переводчиком при первых русских губернаторах на Кавказе и был там первым директором русской школы²¹.

Современное состояние некрополя Донского монастыря не позволяет нам перечислить всех поименно, но работа, которая начата по каталогизации памятников и захоронений, позволит расширить список грузин, захороненных в российской земле, так как многие из них внесли заметный вклад в развитие российско-грузинских связей.

Поименованные в данном сообщении представители грузинских духовных и государственных деятелей, упокоенных в некрополе Донского монастыря – лишь начало работы, начатой в 1983 г., приуроченной к 200-летию юбилею Георгиевского Трактата, документально закрепившего присоединение Грузии к России. Будем надеяться, что это позволит расширить наши знания об одной из страниц многовековых российско-грузинских отношений, в частности, их церковный и государственный аспект.

*Башелешвили Л.О.
(МГУ, ИСАА)*

ЭПИЗОДЫ ИЗ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОГО МОНАШЕСТВА

Христианский Восток всегда имел свои особенные черты, совершенно неповторимые и отличные от латинского Запада. На самом Востоке сосуществовали различные традиции, создававшие свою национальную, географическую и историческую самобытность.

«Противостояние иудео-христианства и эллинистического христианства в наибольшей степени будет занимать тех, кто пытается выявить характеристические черты духовной традиции христианского Востока»¹. Можем отметить, что эти традиции иудео-христианства и эллинистического христианства пустили корни в картвельской ойкумене, и таким образом был получен их особый синтез.

История грузинского монашества и зарождение монашеской мистики начинается с VI века, и она тесно связана с сирийской и коптской традицией, т. е. традицией христиан семитского происхождения². Формы монашеского любомудрия, которые проникали из этих стран, претерпевали некоторые изменения, которые были вызваны влиянием биоландшафта, иногда противоположностью мышления динамического и статического, субъективного и объективного, интереса к форме или интереса к материи.

²⁰ Архив Донского монастыря.

²¹ Там же.

¹ Шпиндик Ф. Духовная традиция восточного христианства. М., 2000. С. 25.

² Мейендорф И., прот. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 89–97.